

Въ сумеркахъ культуры.*)

Культура, русская культура. Чѣмъ-то далекимъ и прекраснымъ вѣетъ отъ этихъ словъ.

Правда, мы сейчасъ унижены и загнаны, — бѣженцы, выброшенные изъ привычнаго уклада жизни, поглощенные мыслью объ удовлетвореніи первичныхъ потребностей чело-вѣческаго тѣла; — но пусть огрубѣли и очерствѣли въ многолѣтней военной обстановкѣ наши сердца, пусть привычная жестокость гражданской смуты опустошила и исказила наши души; пусть гнетъ повседневности притупилъ въ насъ чувство прекраснаго и истиннаго, и мы отвыкли отъ переживаній творчества, отъ науки, искусства; пусть духъ разрушенія еще витаетъ надъ нами, властвуетъ надъ нашими думами — и все же у кого изъ насъ не дрогнетъ что-то тамъ, внутри, въ святая святыхъ нашего сознанія при звукѣ этихъ словъ.

Сквозь тусклый безразличный туманъ надоѣвшаго однообразія ежедневныхъ будней, въ далекомъ, казалось, уже заглохшемъ тайникѣ души, внезапно затеплился и встрепенулся полузатухшій уголекъ воспоминаній; сквозь немолчный ропотъ притупляющихъ и изступляющихъ житейскихъ заботъ зазвучать еще неяснымъ и невнятнымъ, но ласкающимъ, манящимъ призывомъ какіе-то, казалось, навсегда умолкшіе дорогіе голоса; сквозь опустившуюся на насъ тяжелую дремоту, черезъ, казалось, непроницаемую завѣсу пережитаго забреждать еще далекія, еще смутныя, но близящіяся, тянущіяся къ намъ родныя тѣни. Точно орошенные живительной влагой лепестки смятаго цвѣтка, расправляются подъ брызгами воспоминаній встрепенувшіяся душевныя силы. Еще мгновеніе, и ушла ку-

*) Настоящая статья была набрана для перваго номера журнала „Русская Культура“, имѣвшаго выйти въ ноябрѣ 1920 г. въ г. Симферополь.

да-то гнетущая современность, яснымъ сосредоточеннымъ огнемъ загораются глаза, расходятся привычныя морщины, направляются застарѣлыя, тяжелыя складки волненій и скорби. Вы — наединѣ съ собой и съ прошлымъ, такимъ недавнимъ и уже безвозвратнымъ.

Съ той остротой внутренняго зрѣнія, съ какой передъ лицомъ смерти развертывается въ одно мгновеніе прожитая жизнь, — передъ нами, переступившими нѣкую роковую черту, въ какой-то новой цѣлостной картинѣ воскресаетъ былое. Отраженнымъ ровнымъ свѣтомъ озарено оно, отчетливо вырисовывается рисунокъ, спокойно ложатся свѣтъ и тѣни. Своя и точно чужая жизнь, или, лучше сказать, своя жизнь, но пережитая въ иномъ воплощеніи. Вы зритель, и вы-же участникъ; передъ вами встаютъ образы какъ бы изъ другого міра, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы знаете, что это вы же сами, вы чувствуете это до боли, до слезъ. Если бы снова, дѣйствительно, вернулся, воскресъ этотъ міръ! Сколько недосказанныхъ словъ, недопѣтыхъ пѣсенъ, недодуманныхъ мыслей, невоспринятыхъ красотъ, сколько начатаго и недоконченнаго. Какъ передъ полусказочнымъ Перъ Гюнтомъ, прошлое встаетъ во всей его непоправимости, съ тѣмъ различіемъ, что ушла не ваша отдѣльная личная жизнь, а ушла какая-то общая жизнь, ушла эпоха, ушла культура, ваша, родная вамъ, близкая, со всей ея неизъяснимой, неповторяемой красотой.

Сколько уродливости и мрака таила въ себѣ прежняя русская жизнь, какой паутиной пошлости она была окутана, сколько вражды и злобы вносили мы въ нее, но ушли куда-то вдаль черныя тѣни, не кипитъ больше злоба, не бурлитъ раздраженная желчь; спокойно смотримъ мы на былые споры и распри. Мелкими и случайными кажутся онѣ намъ теперь, передъ громадностью совершившагося. Съ улыбкойзираемъ мы на нихъ: кто „съ улыбкой горькою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ“, кто съ усмѣшкой безразличія, а кто — съ той тихой, ясной, прощающей улыбкой, которая является сіяющимъ отраженіемъ подлиннаго, великаго, преображающаго душу страданія. Надъ братской могилой Россійской Имперіи потухли ирежнія страсти, и предъ мятущейся стихіей встревоженнаго хаоса померкли прежнія бури. Не ихъ ищетъ

душа, смятенная и усталая. Она ищетъ покоя и отдыха, она тянется къ красотѣ, она жаждетъ живительнаго прикосновенія къ ней, стремится передъ ней забыться въ нѣмомъ благоговѣннiи хотя бы мгновеннаго созерцанія.

И образъ за образомъ встають великія тѣни.

Вздымается величественный Петербургъ, художественное воплощеніе Императорской Россіи, прямолинейный и холодный ея властелинъ. Окутанный дрожащей золотистой мглою улетающихъ тумановъ, уносящейся неясными очертаніями въ смутную, сливающуюся даль, напоенный какой-то призрачной фантастической красотой, жуткимъ маревомъ высится Петербургъ надъ ушедшей Россіей. На костяхъ десятковъ тысячъ безгласныхъ строителей, чудомъ непреклонной воли царственнаго зодчаго вознесся Петербургъ „изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ“, и вотъ, годъ за годомъ, десятилѣтіе за десятилѣтіемъ, вѣкъ за вѣкомъ, повинуюсь завѣту непобѣдимаго владыки, несла Россія на величавый гранитный алтарь великодержавія свои лучшія силы, отдавая ихъ въ жертву богу европейской культуры. Проклятія и благословенія несутся къ нему изъ глубинъ подвластной ему шестой части свѣта; то гордостью и любовью, то трепетнымъ смятеніемъ и бурной ненавистью горятъ сердца подневольныхъ ему милліоновъ, — безстрастный и непреклонный, какъ судьба, стоитъ каменный исполинъ, и нерушимъ зарокъ, давшій ему господство надъ зачарованной Россіей. Но раздастся, наконецъ, завѣтное слово свободы, падуть гранитныя оковы, разожмутся каменные объятія, рушатся дивныя чары: проснется и всколыхнется замороженная страна, и подъ напоромъ взметнувшихся силъ выросшаго великана, разлетятся въ осколки обратившіяся въ темничную ограду мертвыя стѣны. Настанетъ роковой день освобожденія: „Петербургъ быть пусту.“

И день насталь, давно всѣми жданный, одними со страхомъ, другими съ надеждой, predeterminedный всѣмъ прошлымъ, неотвратимый, какъ приговоръ, и все-же внезапный, даже незамѣченный въ своемъ появленіи, сознанный лишь въ безпредѣльномъ ужасѣ свершившагося.

Выдержала Россія тяжелую руку мятежнаго царя, взнуздавшаго ея первобытную волю, вынеслась съ нимъ изъ глу-

бинъ Азіи на порогъ Европы. Острымъ взоромъ гениальнаго дикаря окинули мы всѣ красоты многовѣковаго европейскаго міра, постигли его сущность, проникли въ его тайны, освоились въ немъ, какъ дома, полюбили, какъ вторую родину:

Намъ внятно все, и острый галльскій смыслъ,
И сумрачный германскій геній . . .
Мы помнимъ все — парижскихъ улицъ адъ.
И венеціанскія прохлады,
Лимонныхъ рощъ далекій ароматъ
И Кельна дымныя громы . . .

Но что же, перешагнули мы окончателно грань, отдѣляющую Европу отъ Азіи, влились полностью въ европейское море, срослись органически съ европейской жизнью?

Безповоротенъ разрывъ съ прежнимъ берегомъ, но пристали ли мы къ новому? Нѣтъ. Мы ни Азія, ни Европа, полу-Азія, полу-Европа, „не принадлежимъ ни къ западу, ни къ востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другого“, живемъ безъ историческихъ воспоминаній, безъ уваженія къ прошлому, безъ яснаго ощущенія путей будущаго; имѣемъ двѣ родины и ни одной, стоимъ раздѣленные, обращенные другъ къ другу хребтами: „ови же зрятъ къ востоку, ови же къ западу“; въ высшихъ проявленіяхъ культурнаго быта — достойные сыны Европы, равняющіеся съ ней, опережающіе ее, а массовой повседневной жизнью погруженные въ косность: по уши въ грязи, сидимъ съ глазами, обращенными къ небу.

И на западѣ ли это небо? Безконечно дорога и близка намъ Европа, но не кладбище ли это дорогихъ намъ покойниковъ? И почему намъ такъ претятъ мѣщанскія будни европейской цивилизаціи? Потому ли, что мы дикари, постигающіе культуру, но не вошедшіе въ нее, или потому, что уже отлетѣлъ духъ живой отъ стараго міра и, для насъ, вольныхъ сыновъ первобытныхъ степей, чуждымъ, мертвеннымъ ужасомъ вѣетъ отъ его роскошнаго, но уже тронутаго тлѣніемъ тѣла?

Не историческій ли удѣлъ Россіи — „ея отрѣшеніе отъ всѣхъ связей разомъ: отъ религіи, отъ преданій, отъ авторитета“? Не кроется ли глубокой внутренней смыслъ въ задержавшемся своеобразіи исконныхъ формъ русскаго хозяй-

ственного строя и въ томъ сокровенномъ родствѣ, которое связываетъ нашъ примитивный деревенскій коллективизмъ съ социалистической религіей западноевропейскаго пролетаріата? И не наступитъ-ли день, когда перекликнется, наконецъ, русскій мужикъ съ европейскимъ пролетаріемъ, наполняя ужасомъ буржуазный міръ, когда сольются западъ и востокъ въ грозномъ кличѣ: „да здравствуетъ смерть и да воцарится будущее“? Страшный духъ разрушенія заключенъ въ нѣдрахъ русской жизни, но не таится ли въ немъ великая интуиція грядущаго созидающаго духа, и не въ томъ ли мессіанскій удѣлъ Россіи, чтобы возвѣстить міру эту новую жизнь? Кто мы, безнадежно отсталые ученики, въ лихорадочномъ рвеніи догоняющіе своихъ учителей, или творцы новой эпохи, открывающейся на смѣну гнѣющей, умершей цивилизаціи? Кто мы? Азіаты, робко стучащіеся въ двери Европы, или народъ будущаго, поглощающій Европу, будь то, въ творческомъ актѣ вселенскаго міропониманія народа-богоносца, будь то, въ разрушительномъ актѣ скиѣскаго нашествія, во имя нарождающейся новой жизни?

Въ этихъ колебаніяхъ между самоуничиженіемъ робкаго ученика и самомнѣніемъ владыки будущаго мятется русская мысль. Гдѣ истина? Съ напряженной, страстной тревогой вглядываются выразители русской общественной мысли въ знакомыя, дорогія, близкія и, одновременно, чуждыя и непроницаемыя черты породившаго ихъ народа, вслушиваются въ глухой, немолчный сливающійся гулъ многомилліонной стихіи. Но русскій народъ — Сфинксъ не только для Европы, но и для породнившейся съ нею русской интеллигенціи. Безъ отвѣта остаются обращенные къ нему вопросы: народъ молчитъ. Жуть охватываетъ отъ этого молчанія. Неужели нѣтъ жертвы, способной искупить неповинный грѣхъ взаимнаго непониманія? Неужели непоправимо, навѣки оборваны нити, связующія интеллигенцію съ народомъ, и осуждена на увяданіе лишенная корней интеллигенція, и обреченъ на вѣковое варварство лишенный органовъ мысли и слова народъ? Вѣдь на всякую жертву готова самоотверженная русская интеллигенція, вплоть до самоотрицанія, вплоть до самоистребленія. Ибо, какъ можно понять

аскетическое опрощеніе русской интеллигенціи и отшельническое хожденіе ея въ народъ, если не признать здѣсь отказа отъ себя, отъ вскормившей ея культуры, во имя единенія съ народомъ, и какъ можно понять и простить революціонный паѳосъ русской интеллигенціи, если не видѣть въ немъ фанатическаго обряда самосожженія.

Но безплодны всѣ жертвы. Народъ безмолствуетъ; непроницаемъ его затуманенный ликъ. Безповоротно разошлись пути, лишь близится и ширится бездна, разверзающаяся между народомъ и его интеллигенціей, и, кажется, ничѣмъ уже не заполнить этого зіяющаго провала, хотя бы цѣной обращенія въ обломки и развалины всего, вѣками созданнаго на русской землѣ.

Одинокой, отверженной, еще страшной, но уже обезсиленной громадой висится Петербургъ, чуждый до невѣроятія, до неправдоподобія русскому народу, близкій до неразрывности, до боли, до ненависти русской интеллигенціи. Отлетѣлъ отъ Петербурга духъ творящей воли, вызвавшій его изъ подъ земли, потускнѣлъ взлетающій силуэтъ Мѣднаго Всадника; не символомъ жизни и побѣды, а надгробнымъ изваяніемъ царитъ онъ надъ Невой, и, какъ знаменіе безнадежности замирающей борьбы, виднѣется грузная, осѣвшая, мѣшковатая фигура царственнаго потомка Великаго Петра. И онъ, какъ Мѣдный Всадникъ — передъ пропастью, но не впередъ въ дерзновенномъ вдохновеніи несется онъ: онъ пытается осадить назадъ, попятить коня, удержать его и удержаться съ нимъ на краю раскрывающейся пучины. Напрасно, нѣтъ пути назадъ въ судьбахъ великаго народа, и обреченъ на гибель всадникъ, заколебавшійся надъ пропастью. Пробылъ часъ Петербурга, свершился неисповѣдимый судъ исторіи. Уже не гордый властелинъ предъ нами, не живая глава живой могущественной державы, а умолкшій, опустѣвшій, заросшій мхомъ памятникъ, величавый памятникъ великой ушедшей эпохи.

Петербургъ — памятникъ старины; не „старый Петербургъ“, а нашъ Петербургъ! Не „старые годы“, а наши годы — ушедшая эпоха. Странно писать эти строки, страшно прочесть написанное. Мы — и исторія. Современность, омер-

тѣвѣвшая въ исторической законченности, оставшаяся позади насъ, за какой-то глубокой, непереходимой межой. Трагическій жребій выпалъ намъ: жить и сгорѣть на грани двухъ эпохъ, отдѣленныхъ не длительнымъ процессомъ перевоплощенія, а стихійнымъ обваломъ. Да и что это—эпоха русской исторіи или исторіи міра? Причудливо переплелись судьбы нашей родины съ явленіями космическаго порядка, и въ грандіозной картинѣ крушенія то и дѣло мелькають черты, знаменующія сдвиги въ самыхъ глубинахъ человѣческаго духа. Намъ, наблюдателямъ мозаичныхъ частицъ этой исполинской картины, не дано разглядѣть зародышей будущаго въ разложившейся современности, и подѣ гнетомъ и бременемъ мучительныхъ вопросовъ и сомнѣній душа ищетъ отдыха и успокоенія въ прошломъ, ищетъ забвенія настоящаго въ воспоминаніяхъ прошлаго.

И, образъ за образомъ, встають опять великія тѣни.

Лучезарный Пушкинъ — „наше все“, воплотившій въ себѣ всю многогранность русской дѣйствительности и, въ актѣ творческаго преображенія, возведшій ее въ перлъ созданія; все понявшій и все простившій въ русской жизни, совлекшій съ нея покровъ будничной пошлости и показавшій намъ въ художественномъ освѣщеніи и сокровенныя ея тайны. Послѣ Пушкина нѣтъ мѣста унынію, нѣтъ мѣста невѣрію въ Россію. Пушкинъ не доказалъ, а открылъ и показалъ такую красоту русской души, такое величіе простой русской жизни, такое богатство духовныхъ силъ ея, что въ явленіи Пушкина находятъ свое оправданіе и высшее примиреніе вся русская дѣйствительность. Много горькихъ упрековъ можно предъявить русской жизни, много жестокихъ и тягостныхъ истинъ можно сказать о ней: недаромъ, такой безысходной тоской вѣетъ отъ многихъ лучшихъ страницъ нашей литературы и такой мрачный ужасъ обвѣваетъ многіе эпизоды нашей исторіи. Но пусть соберутся самые строгіе и непокупные судьи. Пусть предъ ними, во всей неприкрашенной дѣйствительности, развернется обвинительный актъ русскаго прошлаго. Пусть свидѣтелями выступятъ лучшіе изобразители русской обывательской пошлости, пусть изъ гробовъ укориженнымъ хоромъ прозвучатъ всѣ умолкшіе голоса обличителей Россіи, —

достаточно вызвать образъ Пушкина, чтобы замерло на устахъ присяжныхъ готовое сорваться непоправимое слово приговора и, какъ греческіе судьи умолкли въ художественномъ восторгѣ предъ обнаженной Фриной, такъ и судьи русской жизни молчаливо склонятся, пораженные откровеніемъ поэзіи Пушкина. Нѣтъ судей, которые сочли бы себя полномочными произнести приговоръ надъ народомъ, который „подъ гнетомъ крѣпостного состоянія и въ отвѣтъ на царскій приказъ образоваться отвѣтилъ, черезъ сто лѣтъ, громаднымъ явленіемъ Пушкина“.

Олицетвореніе вселенской человѣческой души въ русскомъ ея выявленіи, Пушкинъ, подобно свѣтозарному солнцу, ярко горящему собственнымъ, ему присущимъ, внутреннимъ огнемъ, озаряетъ живительной силой своего свѣта все окружающее. Достаточно проникнуть его чудотворному лучу — и пышными красками расцвѣтаетъ природа, исчезаютъ мрачныя, уродливыя тѣни, озаренная свѣтомъ красоты, во всей своей величавой простотѣ, раскрывается правда жизни. Вплоть до нашихъ тусклыхъ дней доходятъ эти освѣщающіе и согревающіе мракъ лучи, въ каждомъ подлинномъ творческомъ, художественномъ проявленіи русскаго генія сіяетъ ихъ отблескъ, живетъ частица Пушкина; каждое оброненное имъ слово немолчнымъ эхо катится вслѣдъ смѣняющимся поколѣніямъ, вливая въ нихъ новыя силы, не давая уснуть здоровому чувству національнаго самосознанія.

Рескинъ говорилъ, что современный человѣкъ является такимъ же памятникомъ человѣческаго творчества, какъ, на примѣръ, египетская пирамида. Неисчислимы жертвы, цѣною коихъ воздвигнуть этотъ памятникъ, и огромна нравственная отвѣтственность, лежащая на немъ за принесенныя для его созданія жертвы. Такимъ величайшимъ памятникомъ русской культуры, величайшимъ ея достиженіемъ и, вмѣстѣ, величайшимъ оправданіемъ русской жизни, всѣхъ неисчислимыхъ ея жертвъ — является Пушкинъ. Яркимъ свѣтомъ будетъ озарять онъ Россію, пока она есть, и неугасаемой лампадой будетъ мерцать онъ въ глубинѣ вѣковъ, предъ потускнѣвшимъ, но чистымъ ея ликомъ, пока существуетъ человѣчество.

Пушкинъ величайшій и единственный, а сколько за нимъ великихъ !

Лермонтовъ, поэтъ грусти по небеснымъ звукамъ, съ душой, сотканной изъ тончайшаго эфира, изъ надмірной музыки,—тихимъ ангеломъ проскользнулъ онъ по нашему небу, обронивъ на землю нѣсколько пѣсенъ, возносящихся къ звѣздамъ, обвѣянныхъ мистической молитвенной красотой, и унеся съ собой въ раннюю могилу какую-то неизреченную тайну.

Какъ далека Лермонтовъ отъ своего западнаго собрата! Какое сочетаніе внѣшняго сходства и внутренняго различія! Мятащийся Байронъ, то элегантно драпирующійся въ плащъ своего Чайльдъ-Гарольда, надменно кокетничающій съ чортомъ, то, въ сатанинской гордынѣ, вызывающій на единоборство Бога и, въ тоскливомъ отчаяніи одиночества и всеотричанія, взывающій къ мертвому, исцѣляющему забвенію, то ѣдимъ смѣхомъ раздражающійся надъ бѣднымъ, презрѣннымъ человѣчествомъ. Всѣ эти мотивы не чужды Лермонтову, но всѣ они растворяются въ сіяніи дѣтской, безхитростной вѣры, въ непосредственной подлинной близости къ самымъ истокамъ души народной.

И съ глубокимъ, правдивымъ чувствомъ могъ сказать о себѣ Лермонтовъ:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ.
Но только съ русскою душой.

Рядомъ съ солнечнымъ образомъ Пушкина и лунносвѣтлой грустью Лермонтова, темнѣющимъ контрастомъ выдѣляется скорбно-загадочный силуэтъ Гоголя.—

Мягкой жизнерадостностью, свѣжимъ легкимъ юморомъ, ароматнымъ бодрящимъ дуновеніемъ роскошныхъ украинскихъ степей, наивной народной сказочностью, упоеніемъ молодости и красоты наполнены произведенія пасѣчника Рудаго Панька. Спокойнымъ сознаниемъ народной мощи, безоблачной цѣлостностью художественнаго настроенія, ровнымъ чувствомъ душевнаго мира, захватывающей лихостью и юношескимъ задоромъ проникнута національная поэма „Тарасъ Бульба“. Но стоитъ Гоголю обратиться къ изображенію окру-

жавшей его среды, къ бытописанію современнаго ему общества — и мгновенно, подъ бременемъ безысходныхъ внутреннихъ противорѣчій и непоправимаго душевнаго надлома, искажаются прекрасныя черты великаго художника. Правда, не умолкаетъ смѣхъ, знаменитый гоголевскій смѣхъ; напротивъ, еще звонче и отчетливѣе раздается онъ, заражая насъ, подчиняя своей силѣ. Очарованные, съ неослабнымъ увлеченіемъ слѣдите вы за похождениями нашего героя — и улыбка не сходитъ съ вашихъ устъ. Но вдругъ, неожиданно для васъ самихъ, точно подъ впечатлѣніемъ внезапнаго озаренія, тревожная непреодолима тоска овладѣваетъ всѣмъ вашимъ существомъ: „надъ собой смѣтесъ“. И неподвижной, безпомощной гримасой застываетъ блуждавшая на устахъ вашихъ веселая улыбка, въ безпокойномъ смятеніи озираетесь вы кругомъ и вперяете пытливый, полный вопрошающей надежды взглядъ въ измѣнившіяся черты гениальнаго чародѣя. Но вмѣсто яснаго искрящагося радостнымъ смѣхомъ, сочувствующаго вамъ встрѣчнаго взора, вы ощущаете на себѣ тяжелый, пронизывающій, насмѣшливый взглядъ. И стыдно и больно дѣлается вамъ за исторгнутый у васъ смѣхъ: сами вы осмѣяны, какъ частица окружающей, охватывающей васъ повседневности. Подъ негодующими ударами кисти раздраженнаго художника пошлость жизни пріобрѣтаетъ какую-то фантастическую убѣдительность. Вы подавлены ею, вы готовы вѣрить изображенію больше, чѣмъ самой жизни. Слабы и безсильны попытки художника утѣшить васъ, показавъ свѣтлыя лица; это пустыя пятна, лишенныя красокъ и контуровъ. носящія одни лишь заглавія: самъ авторъ не вѣритъ въ нихъ. Безпощаднымъ приговоромъ падаетъ на жизнь бичующій смѣхъ.

Это не смѣхъ сквозь слезы, это не робкая улыбка возвращающейся радости жизни, брызжащая сквозь расходящуюся тьму душевной скорби, не лучъ вѣчнаго солнца, пробивающійся сквозь затянувшую небосклонъ грозовую тучу, не символъ побѣды свѣта надъ мракомъ. Нѣтъ, это смѣхъ, смѣнившій слезы, изсохшія подъ палящимъ зноемъ внутренняго огня, смѣхъ безысходной тоски и непрощающаго укора. Лишь мгновеніями одинокая слеза блеснетъ на гнѣвно при-

щуренныхъ рѣсницахъ великаго писателя, яркой мимолетной зарницей открывая безпредѣльную силу любви, таящуюся въ въ его душѣ. Но тутъ же потухаетъ согрѣвшій было васъ отблескъ надежды, снова звенить въ ухахъ бичующій смѣхъ. И нуженъ великій источникъ сѣта, озаряющій жизнь, чтобы падающая отъ твореній Гоголя тѣнь не застлала нашего сознанія мертвящей мглою, нужна неизсякаемая вѣра въ жизнь, въ ея добро и красоту, чтобы не усумниться въ жизни, однимъ словомъ, нужно имѣть Пушкина, чтобы преодолѣть Гоголя, и не только преодолѣть, а понять, оцѣнить и глубоко полюбить его скорбный, трагическій ликъ. Самъ Гоголь не преодолѣлъ себя, застрявшія въ его горлѣ слезы задушили его, и онъ палъ жертвой бушевавшего въ его сердцѣ огня обличенія, одинокій, оскорбленный, покинутый.

За Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Гоголемъ тянется длинной вереницей плеяда ихъ современниковъ и преемниковъ — Грибоѣдовъ, Писемскій и Гончаровъ, Бѣлинскій и Апполонъ Григорьевъ, Алексѣй Толстой и Фетъ, Чаадаевъ и Герценъ, Хомяковъ и Владиміръ Соловьевъ . . . Каждое имя вызываетъ тысячу переживаній. А проникновенный Тютчевъ, вѣщій мудрецъ, подслушавшій тайны мірозданія. А неподражаемый, еще не оцѣненный по достоинству Лѣсковъ, давшій изумительные образцы исторически-правдиваго художественнаго знанія. „Совершенно человѣка видитъ и сердце его любить, кто любить мысли его“. Такимъ совершеннымъ, проникнутымъ любовью знаніемъ русскаго народа обладалъ Лѣсковъ, и только глубокимъ невѣжествомъ нашимъ, той „пагубной роскошью полупознанія,“ которая отвращала насъ отъ истиннаго знанія, можно объяснить, что Лѣсковъ донинѣ не является любимой книгой культурнаго русскаго человѣка. Съ такой легкостью бросаемъ мы камнемъ въ цѣляя сословія, поколѣнія, десятилѣтія, — и самомнительно чуждаемся правдивыхъ источниковъ, раскрывающихъ предъ нами въ художественномъ изображеніи ушедшую старину. Но сила генія беретъ свое. Лѣсковъ переживетъ многихъ обогнавшихъ его въ популярности писателей.

Женственный, впечатлительный Тургеневъ, несравненный повѣствователь и рассказчикъ, вѣрный лѣтописецъ смѣняю-

щихся настроеній современныхъ ему поколѣній русской общественности, поэтъ помѣщичьяго уклада жизни, славянскій колоссъ, впервые дружески вошедшій въ семью западноевропейской литературы и пріоткрывшій предъ лучшими ея представителями сокровища русской художественной мысли. Какимъ далекимъ и отжившимъ кажется намъ теперь Тургеневъ. Это — дорогая намъ по юношескимъ воспоминаніямъ вѣтка сирени, почти засохшая, но не утратившая свой чарующій ароматъ, бережно хранимая нами среди реликвій нашего сердца.

Но вотъ встаютъ два новыхъ образа и заполняютъ собою все, вытѣсняють всѣ иныя воспоминанія, властно воцаряясь въ нашемъ сознаніи. Толстой и Достоевскій!

Толстой огромень и безбреженъ, какъ русская равнина, исполненъ такой безпредѣльной мощи, что, кажется, нѣтъ задачи, для него непосильной. Въ горделивомъ размахѣ беретъ онъ героемъ романа великій народъ. . . Въ широкой, какъ сама жизнь, панорамѣ разворачивается предъ нами величайшій, героическій періодъ нашей эпохи; воскрешенная чудомъ исторической интуиціи стоитъ передъ нами, какъ живая, Россія двѣнадцатаго года, озаренная свѣтомъ творческой правды, преображенная въ законченные художественные образы, облеченная въ рамку недостижимаго внѣшняго мастерства. Величавый эпосъ, повѣданный міру не въ стихійномъ полусознательномъ процессѣ народной поэзіи, а созданный сознательной творческой волей отдѣльной личности.

Явленіе, не знающее себѣ равнаго въ лѣтописяхъ міровой литературы!

Точно духъ народный сошелъ на полумифическаго гиганта слова и глаголетъ его устами, раскрывая намъ въ безхитростномъ повѣствованіи свою многообразную сущность. Это полное сліяніе личности автора съ творимыми имъ образами составляетъ основную черту творчества Толстого. Когда въ Толстомъ говоритъ художникъ — личность его уничтожается, поглощается въ процессъ творчества, растворяется въ создаваемыхъ имъ образахъ. Вы не чувствуете волевого усилія творящей личности, не видите мастера — вы точно присутствуете при самозарожденіи художественныхъ образовъ.

при органическомъ ростѣ ихъ. Хорошъ ли языкъ Толстого? Вы должны сдѣлать усиліе памяти, чтобы вспомнить, какой языкъ у автора „Войны и Мира“. Бывало ли у васъ при чтеніи Толстого, чтобы вы останавливались въ восхищеніи съ восклицаніемъ: какой чудный языкъ! Нѣтъ. Вы просто не замѣчали языка, вы воспринимали, не удѣляя особаго вниманія органу воспріятія. Жизненны ли характеры? Станный вопросъ. Вѣдь не спрашиваютъ же васъ, жизненны ли характеры вашихъ знакомыхъ, вашихъ близкихъ, съ которыми вы сроднились. Жизненны ли описанія природы, обстановки? Но вѣдь вы видѣли эту обстановку, эту природу. Когда вамъ что либо воочію показываютъ, то странно было бы спрашивать: похоже ли это на дѣйствительность. Это было бы столь же нелѣпо, какъ восклицаніе одного изъ героевъ Гейне, который, любуясь природой, въ похвалу ей воскликнулъ: да это совсѣмъ, какъ нарисовано. Дѣйствительно, неужели вы рѣшитесь утверждать, что вы не присутствовали съ Анной и Вронскимъ на скачкахъ, когда такъ обидно погибла милая, бѣдная Фру-фру, или, что васъ не было съ Наташей на охотѣ, когда вы потомъ заѣзжали къ дядюшкѣ „чистое дѣло маршъ“, что вы не видели никогда ушей Каренина и волосатыхъ рукъ Долохова, не подсматривали, какъ растирали одеколономъ жирную шею Наполеона, не встрѣчались и не болтали со Стивой Облонскимъ. Или можетъ-быть вы скажете, что вы остались не тронуты любовной дѣвичьей обстановкой дома Ростовыхъ, что вы не слыхали пѣнія Наташи, что вы не были влюблены въ нее вмѣстѣ съ Васькой Денисовымъ и Княземъ Андреемъ и что — немного совѣстно сознаться — вы не почувствовали нѣкотораго разочарованія, когда узнали о бракѣ Наташи съ Пьеромъ, объ ея увлеченіи дѣтскими пеленками и прозой семейной жизни. Да если бы собрались всѣ мудрецы міра и стали бы доказывать вамъ, что этого ничего не было, что этого не могло быть — вы бы пожалы плечами и усмѣхнулись. Такова подавляющая сила художественной правды Толстого.

Въ этой сліянности Толстого съ природой и жизнью тайна его неподражаемаго реализма; онъ не описываетъ природу и жизнь, а природа и жизнь открываются въ немъ. Всѣ услов-

ныя людскія оцѣнки какъ то отскакиваютъ отъ Толстого — художника. Нелѣпо было-бы говорить о цинизмѣ или морализмѣ Толстого-художника, какъ нелѣпо говорить о цинизмѣ или морализмѣ природы, съ которой Толстой — художникъ такъ неразрывно, органически связанъ. Что-то стихійное, космическое въ его творествѣ, напоенномъ художественнымъ пантеизмомъ.

Таковъ Толстой — художникъ, въ своей первобытной наивности.

Но вотъ постепенно, въ поискахъ правды и справедливости у Толстого возникаетъ вопросъ: такой ли должна быть жизнь, какой она есть и какой она изображена въ его произведеніяхъ? Онъ не полагается больше на чувство художественной правды, въ немъ заложенное, на свое сердце; онъ апеллируетъ къ практическому разуму, онъ строитъ свой моральный кодексъ жизни. Пусть сердце не соглашается съ разумомъ — тѣмъ хуже для сердца; пусть жизнь не укладывается въ уготовленное ей ложе — тѣмъ хуже для жизни. Онъ зоветъ ее на судъ, смѣло бросаетъ въ нее камнемъ. Забытъ великій, имъ самимъ провозглашенный эпиграфъ: Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ. Въмѣсто любвеобильнаго поэта, вмѣщающаго въ своемъ сердцѣ весь свѣтлый Божій міръ, мы видимъ строгаго судію, облеченнаго въ гордыню внѣшняго униженія. Грозныя слова укоризны несутся съ его обличающихъ устъ. Все или ничего! Культура не отвѣчаетъ требованіямъ суроваго пуританизма: долой культуру, во имя достиженія нравственнаго совершенства! Толстой — моралистъ и Толстой — художникъ, механически уживавшіеся до поры до времени на сосѣднихъ страницахъ, вступаютъ въ борьбу, переходящую постепенно въ смертельный бой. Торжествуя побѣду, Толстой — моралистъ мститъ Толстому — художнику, развивая невиданную силу нигилистическаго разрушенія; въ негодованіи готовъ онъ разбить въ прахъ вѣщія скрижали, на которыхъ имъ же самимъ начертано, силой вложеннаго въ него генія, божественное изображеніе природы.

Но „утаенная мыслей нашихъ бездна и глубокое сердце есть одно и то же — человѣкъ есть сердце“. Напрасны попытки Толстого уйти отъ себя, отъ собственнаго сердца; онъ кончатся грандіознымъ крушеніемъ.

Не зная неудачи въ своихъ достиженіяхъ, въ титаническомъ порывѣ схватился Толстой, подобно Святогору—богатырю, за небольшую суму, содержащую въ себѣ силу земли, и хотѣлъ поднять ее до себя, эту падшую безнравственную землю. Но вросла сума и бессильною плетью виситъ могучая рука богатыря, а самъ онъ ушелъ по колѣна въ сырую землю. Онъ хотѣлъ поднять землю къ небу, и самъ погрязъ въ ней; человѣческимъ, слишкомъ человѣческимъ оказался онъ самъ въ своихъ счетахъ съ жизнью. Въ поискахъ Бога онъ отвергъ жизнь — и Богъ покинулъ его. Не можетъ сказать онъ, подобно своему великому праотцу, мірскому отшельнику Сковородѣ: міръ ловилъ меня, но не поймалъ. Напротивъ, опутанъ онъ, надменный книжникъ, нитями земли. Лишь предъ лицомъ смерти созналъ онъ кошунственность своей гордыни, съ ужасомъ почувствовалъ, что онъ не съ Богомъ, и Богъ не съ нимъ. Въ сердечномъ трепетѣ бѣжить смирившійся великій старецъ отъ обличающихъ его стѣнъ и въ давно утраченномъ, а можетъ быть, впервые обрѣтенномъ подлинномъ молитвенномъ вдохновеніи падаетъ онъ ницъ предъ найденнымъ Богомъ: вѣрую Господи, помоги моему невѣрію.

Смирился гордый челоѣкъ, исполнилъ въ преддверіи смерти пророческій завѣтъ Достоевскаго.

Достоевскій является удивительной противоположностью Толстого. Если въ Толстомъ художникъ и мыслитель находятся въ непримиримомъ противорѣчіи, то въ Достоевскомъ они напротивъ связаны неразрывно. Достоевскій мыслить образами. Его художественный талантъ есть лишь сила внутренняго самоуглубленія и сила проникновенія въ сокровенныя тайны челоѣческаго духа. Если Толстой — оживленная природа, то Достоевскій — воплотившійся духъ. Его произведенія почти не имѣютъ тѣлесной формы: его черты облечены плотью лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы онѣ были живыми существами; внѣшняя обстановка допускается лишь, поскольку нельзя обойтись безъ времени и пространства; событія связаны единствомъ дѣйствія и правдоподобіемъ, поскольку это необходимо, чтобы фабула не превратилась въ фантазмагорію. Это не объективированіе жизни въ художественномъ воспроизведеніи ея, а осуществленіе экспе-

риментовъ надъ человѣческими душами при посредствѣ художественнаго творчества. Внѣшняя искусственность, стоящая на границѣ правдоподобія, сочетается съ потрясающей внутренней правдой. Пусть этого не было, пусть это невѣроятно, но это неразрывно связано съ духовнымъ существомъ современнаго человѣка, а потому это возможно. Болѣе того, разъ это вытекаетъ изъ сущности современнаго человѣка, то пусть этого не было и пусть это невѣроятно, но это должно быть и это будетъ. Вотъ въ чемъ основа пророческаго дара Достоевскаго. Духовныя прозрѣнія превращаются подъ его перомъ въ художественныя реальности.

Душа человѣческая—единственная тема творчества Достоевскаго. „Почто дивишися высотамъ звѣзднымъ и морскимъ глубинамъ“, вопрошалъ Св. Исидоръ. „Взгляни въ бездну сердца твоего. Тутъ то дивися, аще имаши очи“. И Достоевскій отвращаетъ свой взоръ отъ внѣшняго міра, и вперяетъ его въ душу человѣческую, измѣряя ея глубины и высоты.

Какъ художественное раскрытіе души современнаго человѣчества, его произведенія—памятникъ единственный и неповторяемый.

Представьте себѣ, что рушился міръ, и что единственнымъ памятникомъ отъ погребенной культуры остался Достоевскій. Этого довольно. Лицо эпохи сохранится; въ твореніяхъ Достоевскаго черты этого лица запечатлѣны неизгладимыми письменами. Съ большимъ правомъ, чѣмъ кто либо, съ большимъ правомъ даже, чѣмъ Ницше, можетъ сказать о себѣ Достоевскій: „Я пишу кровью“. Оба пѣвцы страданія, одинъ художникъ — мыслитель, другой мыслитель — поэтъ, оба проникнуты исключительнымъ религіознымъ паѳосомъ, оба сгорѣвшіе въ огнѣ религіозныхъ исканій — ярко вспыхнувшими факелами освѣщаютъ они сгущающіяся сумерки европейской культуры. Но насколько полнѣе, глубже, цѣлостнѣе личность Достоевскаго! Ницше — это вопль отчаянія современнаго человѣчества, почувствовавшаго себя безповоротно покинутымъ Богомъ; это пѣснь умирающаго лебедя, убитаго тоской по ушедшему Богу. Вначалѣ Ницше пытается въ музыкѣ найти выраженіе своему лишенному выхода религіозному чувству. Музыка — это вселенскій языкъ, которымъ душа съ душою

говорить. Это отзвукъ извѣстной гармоніи, роднящей человѣчество. Это отблескъ божественнаго огня, зажженнаго въ человѣческихъ сердцахъ лучами какого то единаго вѣчнаго солнца. Музыка даетъ намъ непосредственное непререкаемое ошущеніе нашей духовности. Но она, создавая религіозное настроеніе, обвѣвая насъ неясными неотмірными свѣтлыми мечтами, не даетъ главнаго, основнаго: вѣры, чувства личнаго живого Бога. Этого не дала музыка и Ницше. Не утоливъ своей духовной жажды, но утративъ воспріятіе христіанскаго Бога, Ницше, со всей страстностью своей натуры, со всѣмъ напряженіемъ огромнаго поэтическаго генія, всю силу религіознаго творчества сосредоточилъ на заложенныхъ въ человѣкъ духовныхъ потенціяхъ. Пусть ушелъ Богъ, Ему на смѣну человѣчество создастъ преемника изъ себя, по образу своему и подобію; на мѣсто Богочеловѣка поставитъ Человѣкобога.

Вѣрилъ ли Ницше въ свою Вѣру? Нѣтъ; трагическая судьба его служитъ тому порукой. Только формалисты-буквоѣды могутъ считать Ницше атеистомъ; за кощунственными словами геніальнаго поэта слышится огненное, палящее влеченіе къ Богу. Еще, кажется, мгновеніе, — и раскроются небеса предъ изступленною тоской безумствующаго страдальца, снизойдетъ благодать на его скорбную голову, преобразится гордый, брошенный Богу вызовъ въ теплую молитву. Но не дано было Ницше на землѣ этого высшаго счастья: онъ остался во площеніемъ воинствующаго человѣкобожія и палъ его жертвой.

Трагедія Ницше близка Достоевскому, но не какъ его личная трагедія, а какъ художественное перевоплощеніе, какъ одна лишь грань его художественнаго творчества. Съ именьшей глубиной и остротой Достоевскій проникъ и въ другую форму человѣкобожія, въ коллективистическомъ его вариантѣ — именно социализмъ. Съ невиданной силой вскрылъ онъ его атеистическую подпочву, его звѣриную насильственную природу, его внутреннее варварство. Наконецъ, Достоевскій беретъ наибольше утонченную форму атеизма, вооруженнаго всѣми внѣшними атрибутами церковной религіи: чудомъ, тайной и авторитетомъ. Въ потрясающей картинѣ обнажаетъ авторъ Легенды о Великомъ Инквизиторѣ скрывающееся за этими величавыми орнаментами сатанинское лицо.

Сорвавъ всѣ покровы съ современной цивилизаціи, Достоевскій ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ Богомъ, ведетъ насъ къ Богу.

Чтеніе Достоевскаго не занимательная лектюра и даже не художественное наслажденіе; это—подвигъ самоуглубленія и самопознанія въ образѣ художественной всенародной исповѣди. Вы можете отмахнуться отъ „жестокаго таланта“ Достоевскаго, но если Вы попали подъ его обаяніе—это эпоха вашей жизни. Испаряется, какъ дымъ, наркотика изощренныхъ формъ внѣшней культурности, оглушающая обычно ваши чувства, исчезаютъ миражи маленькихъ, заполняющихъ вашу жизнь цѣлей, загромождающіе широту горизонтовъ, отбрасывается всяческая суэта, развлекающая ваше вниманіе: во весь свой грозный ростъ встаютъ передъ вами вѣчные вопросы, облеченные въ форму художественнаго воспріятія. Одна за одной спадаютъ личины внѣшняго благополучія съ общественныхъ и личныхъ проблемъ, только что казавшихся вамъ разрѣшенными или разрѣшимыми. При этомъ, Достоевскій не посыпаетъ пепломъ главу, не громитъ современнаго ему общества, не диктуетъ ему практическихъ рецептовъ, долженствующихъ вывести его на правильный путь; нѣтъ, онъ остается художникомъ; онъ показываетъ намъ человѣческія страданія во всѣхъ ихъ многообразныхъ проявленіяхъ, заставляетъ силой своего творческаго генія ощутить эти страданія во всей ихъ непосредственности, и въ тотъ моментъ, когда мы потрясены до глубины души, когда мы почти не въ силахъ переносить болѣе напряженія нашихъ переживаній, онъ ставитъ передъ нами вопросъ: можетъ ли человѣкъ вынести эти страданія, даже допустить ихъ существованіе, согрѣтый однѣми лишь человѣческими мыслями, какъ бы высоки онѣ ни были; принимаетъ ли душа эти страданія? Съ непередаваемымъ паѳосомъ раскрываетъ намъ Достоевскій всевозможныя человѣческія рѣшенія, излагая ихъ съ такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, съ такой художественной силой, углубляя ихъ съ такой властной убѣдительностью, что иной разъ кажется—самъ сатана говоритъ его устами. Но холодъ, мракъ и ужасъ продолжаютъ царить надъ вашими сердцами и, пройдя черезъ жестокій соблазнъ и ис-

кушеніе, душа ваша, утомленная и истерзанная. взыскуеть одного рѣшенія, имя же ему: Богъ.

Вѣры въ Бога Достоевскій не даетъ, такъ какъ вѣра не дается пассивнымъ воспріятіемъ, но убѣжденіе, что безъ Бога нѣтъ пути, ни вамъ, ни всему человѣчеству — это убѣжденіе прожигаетъ ваше сознаніе насквозь.

Идея Бога занимаетъ центральное мѣсто въ твореніяхъ Достоевскаго, какъ она занимаетъ его въ переживаемомъ нами кризисѣ міровой культуры, и, повторяемъ, если суждено было бы погибнуть нашей эпохѣ и единственнымъ памятникомъ ея остался бы Достоевскій, причины паденія нашей культуры сѣлались бы ясными послѣдующимъ вѣкамъ, а сказанія о ней заняли бы мѣсто рядомъ съ преданіями о Вавилонскомъ Столпотвореніи.

Толстой и Достоевскій — послѣдніе изъ великихъ. За ними начинается наша современность, тусклая и безразличная. Давно-ль отливала она тысячью цвѣтовъ и огней, трепетала въ нервномъ біеніи жизни, наполняла наши сердца страстными откликами. — и вотъ чуждой, полузабытой ненужностью лежитъ она, оторванная и отброшенная вихремъ событій. Многими талантами богата наша эпоха, правдивыя отраженія нашла въ ихъ твореніяхъ душа современнаго намъ человѣка во всѣхъ ея своеобразныхъ извилинахъ и капризныхъ изгибахъ, но лишь одинокія вершины, отдѣльные всплески художественной мысли достигаютъ уровня великихъ ушедшихъ старцевъ. Нѣтъ, видно, силы генія, которая могла бы превозмочь бремя надвигающейся катастрофы, преодолѣть ея гнетъ: густой мракъ надвигающихся тучъ бросаетъ свою тяжелую тѣнь, и въ одно смутное, сѣрое пятно сливается въ нашихъ глазахъ все многообразіе лицъ и фигуръ, еще недавно отчетливыхъ, живыхъ, яркихъ, близкихъ, волнующихъ. Пусть въ неясныхъ, но живыхъ предчувствіяхъ билась ихъ мысль, пусть громкими возгласами неудержимой тревоги оглашали они обманчивую тишину — развѣ вспоминаютъ о чайкахъ въ разгаръ мятущейся бури. „Современность“, какъ эпоха нашей жизни, утопаетъ въ грохочущемъ потокѣ событій, исчезаетъ въ немъ, увлекаемая оползнями скрывающейся пропасти.

Холодно и жутко на душѣ; сгущаются сумерки, озаря-

емья заревомъ разгорающагося пожарища нашей культуры. Быть можетъ, мимолетными слабыми зарницами уже вспыхиваютъ огни, отражающіе свѣтъ будущаго, быть можетъ, властная рука Строителя жизни уже намѣчаетъ среди развалинъ линіи новыхъ плановъ, закладываетъ основы новыхъ очаговъ. Быть можетъ, именно нашему поколѣнію выпалъ великій жребій сберечь ввѣренный ему свѣточъ культуры и сквозь вихрь разбушевавшейся стихіи пронести его трепещущее пламя. Быть можетъ . . . но намъ, сынамъ прошлаго, этого видѣть не дано. Мы, свидѣтели великаго крушенія, видимъ лишь обломки былого, впервые проникающаго въ наше сознание въ какой-то новой, античной цѣлостности.

Холодно и жутко на душѣ; сгущаются сумерки. Еще падаютъ на насъ косые лучи свѣта, но знаемъ мы, что это не разгорающаяся заря восходящаго свѣтила, а угасающіе, вечерніе, прощальные лучи. Встанетъ когда нибудь вновь вѣчное солнце, заливая своимъ свѣтомъ новую возродившуюся жизнь. Быть можетъ, уже намъ предстоитъ ощутить въ нашихъ усталыхъ тоскующихъ членахъ предразсвѣтный бодрящій холодокъ грядущаго дня, пока же, охваченные волной вечернихъ сумерокъ, исполненные предчувствій наступающей ночи, жадно ловимъ мы знакомыя, дорогія черты, озаренныя закатнымъ отблескомъ уходящей культуры.

К. Зайцевъ.